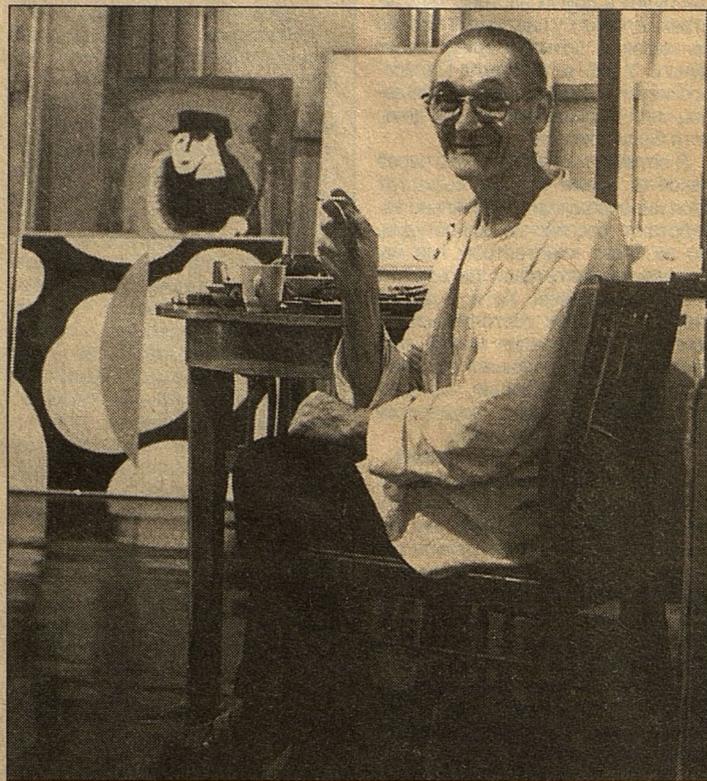
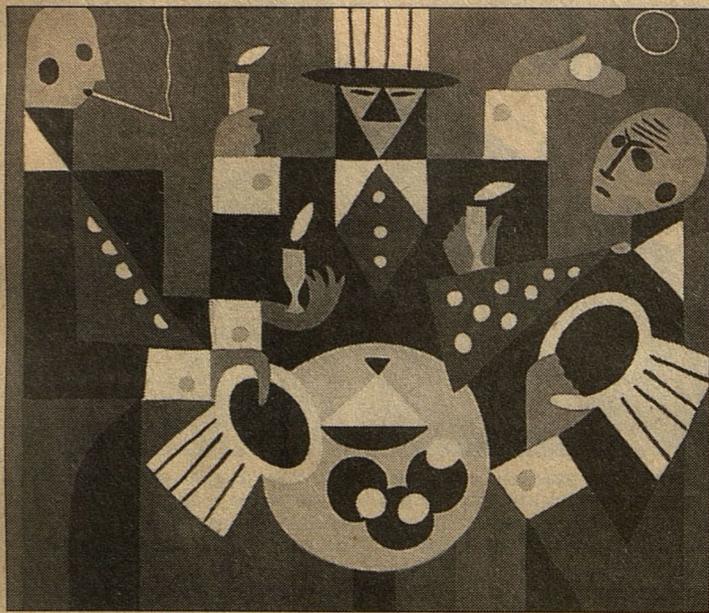


Культура. —
1999. — 18-24 нояб. —
С. 7

Сибирский Матисс

Выставка работ Андрея Поздеева в Третьяковской галерее



Он умер прошлым летом в Красноярске, где прожил свои последние сорок восемь лет. Сказать, что слава прошла мимо, наверное, нельзя — слишком многие стремились попасть к нему в мастерскую, чтобы познакомиться с этим непонятным художником, о котором ходила слава "Сибирского Матисса". Знаю, правда, говорили, что творчество Поздеева больше напоминает каталонца Хоана Миро или великого германца Пауля Клее. Надо сказать, что, если Поздеев и узнал о существовании последних, то наверняка уже после того, как нащупал свою, только ему одному принадлежащую дорогу.

Казалось, он жил вне времени и пространства. Особенно, если говорить о советских годах. Он писал свои мощные, абсолютно непонятные для большинства окружающих картины, совершенно непохожие ни на что остальное. Причем это вовсе не было протестом против царившей тогда действительности или идеологического диктата. Он так хотел жить. Признание, почести — все было потом. Главным для красноярского отшельника была живопись.

На некоторых Андрей Геннадьевич производил впечатление юродивого, блаженного старика, но люди, которые хоть чуть-чуть раз-



бирались в происходившем вокруг, всегда тянулись к нему. Поздеев воплощал собой полное единство личности художника и его произведений.

Неторопливый, размеренный, Андрей Геннадьевич всегда говорил загадками, но такая сила, такой свет шли от него, что он, казалось, сошел с листов древнерусских житий святых.

Несмотря на нарочитую простоту, Андрей Геннадьевич был достаточно образован. Об этом лучше всего говорят его работы, осо-

бенно те, по которым он рассыпал свои точно рассчитанные геометрические символы. Поздеев много интересовался природой знаков и иероглифов. Изучал орнамент, иероглифы. Размышлял о сущности жизни. Искусство изучал в музеях Москвы и Ленинграда... Быстро понял, что суть моего характера — в самовыражении", — вспоминал он впоследствии.

Школа жизни у него, сына крестьянки с Ангары и потомка древнего енисейского ремесленнического рода, была суровой. В детстве, кроме всех прелестей беспризорщины, было еще ФЗУ. Учился он, причем уже далеко не в детском возрасте, в детской художественной школе, в студии у замечательного педагога Андрея Прокофьевича Лекаренко. В художественные институты Москвы и Питера особо не стремился. Правда, после участия в 1956-м в выстав-

ке "Художники Сибири и Дальнего Востока" он был зачислен кандидатом в Союз художников, а через пять лет обрел заветный билет, дававший хотя бы возможность заниматься любимым делом и не быть обвиненным в тунеядстве.

Поздеев довольно часто представлялся на краевых выставках с романтическими названиями "Наш край в семилетке" или "Сибирь социалистическая", но все это имело для него весьма малое значение. И известия о сенсационном успехе своих картин на московской выставке в 1993-м или удаче в 1990-м на 5-й Международной выставке современного искусства в Лондоне тоже воспринял совершенно спокойно.

Он просто не переставал писать. Писал свои яркие детские цветы, большие, словно зашифрованные, философские картины-символы.

Такие, как уже ставшая знаменитой "Чаша", — поразительное, полное спокойной гармонии полотно, где круги, квадраты и треугольники, уравновешивая друг друга, напоминают о вечной библейской мудрости и подчинении всех нас единым законам. Писал серии "Жизнь человека" и "Адам и Ева". Он совершенно искренне не понимал, почему его обвиняли в заумности. "Я считаю так: задумал отдать свое впечатление холсту — отдай. А как его выразить — дело десятое. Образ у меня часто "дозревает" во время работы. Удовлетворение от сделанного приходит довольно ясно. Холст готов — я это чувствую", — сказал он однажды.

Сегодня, когда мы начинаем понимать, что значил этот художник в нашей культуре второй половины XX века, — два слова о человеке, который, без преувеличения, посвятил Поздееву часть своей жизни.

Востоковед, переводчик с японского, художник-модельер — ныне директор галереи "Сити" — Николай Ткаченко часто бывал в Сибири. В один из приездов в Красноярск он обходил мастерскую за мастерской, подбирая работы для собрания современных сибирских художников. Готовился очередной проект выставки. Кто-то указал ему на Поздеева. Эта встреча во многом предопределила судьбу обоих.

Да и Поздеева тоже, потому что в дальнейшем Ткаченко помогал художнику, чем только мог. Привозил холсты, лекарства, краски. Далеко не простое занятие для москвича — помогать красноярскому художнику. Но Николай Григорьевич, замороженный фантастическим талантом Поздеева, на это внимания не обращал. И последние персональные выставки Поздеева, и альбомы, и фильм, который сегодня снимается, и выставка в Русском музее, да и нынешняя в Третьяковке — все это Николай Ткаченко буквально вытаскивал на своих плечах.

Остается только посоветовать прийти на Крымский вал и посмотреть картины этого удивительного мастера — Андрея Поздеева, сумевшего остаться самим собой в не самые легкие времена.

Виктор ЛЕОНИДОВ